

На правах рукописи

Болтунова Екатерина Михайловна

**Царство Польское в составе Российской империи (1815–1831 гг.):
стратегии управления и практики признания субъектности**

Специальность 5.6.1. Отечественная история

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва – 2025

Работа выполнена в Институте региональных исторических исследований Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Официальные оппоненты:

Высочков Леонид Владимирович,

доктор исторических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX века

Миллер Алексей Ильич,

доктор исторических наук, профессор, Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования «Европейский университет в Санкт-Петербурге», профессор факультета истории

Мироненко Сергей Владимирович,

член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», заведующий кафедрой истории России XIX века – начала XX века

Ведущая организация:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет».

Защита состоится 3 апреля 2026 года в 14 часов на заседании диссертационного совета 24.2.366.03, созданного на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» по адресу: 125047, г. Москва, Миусская площадь, д. 6, стр. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» <https://www.rsu.ru/dissovet/d-212-198-07/boltunova-ekaterina-mikhaylovna.php>

Автореферат разослан « _____ » _____ 20 ____ г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

Хорхордина Татьяна Иннокентьевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность и обоснование выбора темы

В результате разделов Польши Австрией, Пруссией и Россией (1772, 1793, 1795 гг.) последней была аннексирована значительная территория на западных границах империи. В политическом отношении присоединение было оформлено созданием нескольких новых губерний, которые в ряде случаев формировались с включением земель, входивших в состав Российской империи до разделов Польши. Императрица Екатерина II стремилась инкорпорировать польские земли в существующую структуру административного устройства и не планировала создание на западной границе какой-либо особой в политическом отношении структуры. На символическом уровне приращение империи было оформлено как возврат утраченных Россией земель. Примечательна, однако, особенность, отмеченная в литературе: вхождение польских земель в состав Российской империи не сопровождалось устройством традиционного празднования, как это было, например, в связи с присоединением Причерноморья после Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Очевидно, что равному проявлению имперской радости по поводу присоединения турецких и польских земель препятствовали как факт получения территории на западной границе в результате политической манипуляции (а не победоносной войны), так и модель деления мира на неравные в цивилизационном отношении части (Запад и Восток; цивилизованный мир и пространство варварства). Если вхождение в состав империи территорий условного Востока достаточно естественно осмыслялось в рамках цивилизаторской миссии России, то вопрос расширения империи на Запад, то есть в сторону Европы, был настоящей ментальной проблемой.

Второй раунд присоединения польских территорий к Российской империи связан с правлением Александра I. В 1815 г. после победы над Наполеоном в состав Российской империи вошли польские земли,

принадлежавшие с конца XVIII в. Пруссии, а затем образовавшие по решению Наполеона Герцогство Варшавское. Эти территории стали частью Российской империи в рамках совершенно иного политического статуса, оформленного решениями Венского конгресса. Результатом стало создание на западной границе Российской империи такой необычной в политическом отношении структуры, как Царство Польское (в терминологии, имевшей хождение в Польше, — Королевство Польское). В 1815 г. император Александр I даровал этой территории конституцию. Административный аппарат в значительной мере остался прежним, официальными языками делопроизводства были польский и французский, конфессиональная политика не имела целью насаждение православия, а налоговые сборы не уходили в казну Российской империи.

Польские земли, вошедшие в состав Российской империи в екатерининские времена, не стали при этом частью Царства Польского. Это создавало сложный комплекс отношений между Александром I и поляками, поскольку император поддерживал существовавшие надежды на присоединение аннексированных Екатериной II территорий (по крайней мере, Литвы) к Царству Польскому, но так и не решился реализовать данное обещание.

Политика императора Александра I в отношении Польши — его чрезвычайное расположение к полякам, стремление почти каждый год посещать свою польскую столицу — вызывала у его российских подданных самые разные, часто резко негативные реакции. Причиной тому были как события двухсотлетней давности (участие Речи Посполитой в политическом кризисе Московского царства начала XVII в., включавшее в себя военную интервенцию и захват Смоленска и Москвы), формирование памяти о которых было актуально на новом уровне в начале XIX в., так и события недавнего прошлого. Для представителей российской — особенно военной — элиты активное участие поляков в походе на Россию в составе наполеоновских войск в 1812 г. было частью личной памяти. Однако с вхождением Царства

Польского в состав империи упоминание о военных столкновениях между Россией и Польшей перешло в зону табуирования. Забвение недавнего противостояния двух стран при Бородино и Березине, с одной стороны, и попытка выстраивания новой концепции единства двух народов, с другой, стали новой политической стратегией правящей элиты.

Своего рода вершиной привилегий, полученных Царством Польским в составе Российской империи, стала единственная в своем роде коронация Николая I как польского короля в 1829 г. На первый взгляд император лишь следовал предписаниям брата и предшественника на престоле Александра I. Последний включил в польскую Конституционную хартию 1815 г. параграф, предписывавший его наследникам короноваться в Варшаве¹. Однако для Николая I такое установление обернулось дилеммой — император не поддерживал решение брата и предшественника на престоле Александра I даровать Польше особые права. Казалось бы, ожидаемой линией поведения в этой связи должен был стать отказ от предписанного императором Александром установления. Николай I, однако, избрал совершенно иную модель поведения: после долгих сомнений он принял решение о проведении коронации.

Многочисленные вопросы относительно политики Российской империи в Царстве Польском, противоречия, существующие в рамках принятых историографических трактовок и публичного пространства, а также отсутствие в литературе предметного разбора такого знакового события, как коронация российского монарха как польского короля, делают актуальным проведение комплексного анализа процессов выбора политической стратегии на западных границах страны после окончания Отечественной войны 1812 г., когда перед властью стояла задача определить основания, на которых выстраивалась логика мирного сосуществования с недавним врагом.

---

¹ Конституционная хартия Царства Польского // Польша и Россия в первой трети XIX в. Из истории автономного Королевства Польского: 1815–1830 / отв. ред. С. М. Фалькович. М.: Индрик, 2010. С. 530.

Объект исследования – политика Российской империи, сформированная и реализуемая на западных границах страны в первой трети XIX в.

Предмет исследования — политические практики, включая проекты символического и коммеморативного порядка, инициированные и развернутые на территории Царства Польского при участии различных акторов.

Историография проблемы

Историография проблемы может быть разделена на три больших группы. Речь идет о литературе, в которой анализируются в широком плане русско-польские отношения указанного периода, работах, посвященных непосредственно коронации Николая I в Варшаве в 1829 г., и историографии процессов формирования памяти в первой четверти XIX в.

Анализ русско-польских отношений первой трети XIX столетия содержится в работах, посвященных целому ряду событий эпохи, — от биографических изысканий, связанных с оценкой деятельности Александра I, Николая I и великого князя Константина Павловича (Н.К. Шильдер, Л.В. Выскочков, Дж. Хартли, О.С. Каштанова, О'Мара, С.Л. Фирсов и др.), и работ, анализирующих внешнеполитический контекст (С.С. Татищев, С.М. Фалькович, Дж. Стенли, А. Нанс и др.), до исследований вопроса о правовом статусе Царства Польского (Н.М. Коркунов, А.В. Ващенко, О.С. Каштанова, Б.В. Носов, Л.П. Марней и др.) и его экономическом положении (Л.А. Обушенкова, Е.А. Правилова).

Рассматривая литературу о русско-польских отношениях первой трети XIX столетия, важно отметить, что к настоящему моменту в историографии сформировалась устойчивая парадигма восприятия событий этого периода. Возникнув в рамках польской интеллектуальной традиции, эта парадигма в большинстве своем разделяется современной российской и англо-американской историографией. Иными словами, анализ русско-польских отношений указанного периода зиждется — с тем или иным уровнем

приверженности со стороны конкретного исследователя — на польской исторической интерпретации событий.

В рамках существующих конвенциональных установок можно отметить несколько ключевых позиций. Во-первых, политическая субъектность Польши расценивается в таких работах как существующая объективно, безотносительно потери государственности. Царство Польское определяется в литературе как территория, развивающаяся автономно в социальном, культурном и экономическом отношении, однако вынужденная в силу ряда обстоятельств взаимодействовать с Россией (как правило, отражая враждебные действия с ее стороны). Рассуждения подобного рода проистекают из представления о существовании в Царстве польской администрации и оценке уровня культуры и образования в Польше как более высокого по отношению к России. В рамках этой интерпретации особое положение Царства считается естественным, само собой разумеющимся и не связывается с политическими решениями российских властей.

Во-вторых, оценка политического развития Польши в составе Российской империи интерпретируется исходя из апелляции к набору дуальных моделей (добро – зло, жертва – агрессор и т. д.). В рамках этих оппозиций России, как правило, приписывается второй, отрицательно маркированный элемент. При этом дискурс борьбы за свободу (в советском изводе — борьбы с царизмом) и указание на виктимность Польши выступают как универсальное легитимирующее основание. В исследовательской литературе, посвященной русско-польским отношениям этого периода, часты рассуждения о непонимании в России мотивов, которыми руководствовались поляки, или указания на спектр эмоциональных реакций, которые предписывалось испытывать русским, — чувство вины и стыда за разделы Польши, восхищение храбростью польских войск, преклонение перед культурой страны и личностными качествами ее жителей, сочувствие к сосланным в Россию (например, работы С.М. Фалькович и А.В. Липатова). Кроме того, исследовательская литература в России, находясь в сложных

отношениях с советским интеллектуальным наследием, зачастую анализирует тот или иной материал в границах рассуждений о виктимизации или виктимности, с одной стороны, и братстве народов — с другой.

Существенно, что польская коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. фактически относится к категории забытых исторических событий. В России ее перестали вспоминать почти сразу после проведения, а окончательно «забыли» спустя всего полвека. В изданиях, посвященных церемониалу коронаций российских монархов в целом, или же в более поздних коронационных сборниках, часть объема которых отводилась под историческое обозрение, коронация Николая I в Варшаве практически не упоминалась.

В современной исследовательской литературе вторая коронация Николая I становится предметом рассмотрения (а чаще только упоминания) лишь на страницах биографий императора, в искусствоведческих обзорах и каталогах (Н.К. Шильдер, С.Л. Фирсов, К. де Грюнвальд, Л.К. Кузнецова). Отметим, впрочем, что церемония известна российским полонистам (Н.Б. Носов, С.М. Фалькович, О.С. Каштанова, Н.М. Филатова): именно им принадлежат специальные статьи по этой теме². В Польше коронация также известна относительно мало. Посвященные ей статьи искусствоведов, опубликованные в конце 1980-х - 2010-е гг., трактуют событие как очередную, хоть и причудливую форму политического давления на Польшу (М. Гетка-Кениг, И. Гжелюк, Е. Гутковский). Изданный в 2023 г. сборник работ польских и российских историков под редакцией Х. Глембоцкого³, посвященный юбилею коронации, мало что изменил этом отношении.

---

² Каштанова О.С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год) // Славяноведение. 2013. № 5. С. 37–48; Филатова Н.М. Варшавская коронация Николая 1829 г.: русский и польский взгляды. // Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу / отв. ред. О.В. Хаванова, М.В. Лескинен. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 63–80.

³ Między ugodą a insurekcją Granice polsko-rosyjskiego kompromisu politycznego w epoce Królestwa Polskiego 1815–1830. Materiały z konferencji naukowej zorganizowanej w 190. rocznicę koronacji 1829 roku (24 maja 2019 roku) / pod redakcją H. Głębockiego. Warszawa: Centrum Dialogu im. Juliusza Mieroszewskiego, 2023.

Очевидно, отсутствие предметного академического интереса к варшавской коронации Николая I связано с общим восприятием русско-польских отношений. В историографии за положительную сторону отношений с Польшей «отвечает» Александр I, императору Николаю, напротив, предписаны действия сугубо отрицательные — пренебрежение Конституционной хартией 1815 г., репрессии против поляков и подавление восстания 1830–1831 гг. В рамках польского академического дискурса Николай I жестко соотнесен с репрессиями и травматичным опытом или вовсе выброшен из исторического контекста в силу особенностей восприятия в Польше этого периода как своего рода «перерыва в истории»⁴. Принято также говорить и о полуневротической, на грани невроза, полонофобии императора. В этом смысле Николай — император Всероссийский, возлагающий на себя корону Царства Польского, то есть в каком-то смысле пропольский Николай, — образ, который плохо уживается с традиционными трактовками.

Историография, посвященная анализу процессов формирования в Царстве Польском памяти о войнах с Россией в начале XVII и XIX вв., представляется крайне скудной: предметных исследований этого аспекта, особенно в связи с политической линией, выбранной российскими властями, до настоящего момента не проводилось.

В публикациях, анализирующих формирование в Российской империи памяти об Отечественной войне 1812 г. и о Смутном времени, создание локальных проектов памяти в Царстве Польском не становилось предметом отдельного разыскания. В существующей литературе вопросы подобного рода затрагивались лишь в работе М. Напирковского, высказавшего мнение, что сложившийся в польских землях и ставший основой польского пантеона героев культ Ю. Понятовского и Т. Костюшко является изобретением

---

⁴ Филатова Н. М. «Перерыв в истории». Эпоха конституционного Королевства Польского (1815–1830) в восприятии историков-современников // Знаки времени в славянской культуре: от барокко до авангарда: сборник статей. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 136–157.

императора Александра I⁵. Применительно к памяти о русско-польском столкновении начала XVII в. следует отметить работы, опубликованные еще конце XIX — начале XX вв. (Д.В. Цветаев, М.П. Устимович и др.), а также исследования современного польского историка И. Граля о восприятии в Польше таких событий, как избрание на российский престол королевича Владислава, осада Смоленска и взятие Москвы⁶.

Таким образом, в целом в историографии, затрагивающей вопросы, связанные с выработкой российской политической стратегии на западных границах страны в первой трети XIX столетия, можно отметить ряд устойчивых трактовок и оценок, ограничивающих проведение комплексного анализа указанной проблематики, в том числе с учетом позиции российских имперских властей. Знаковое для позиционирования российской власти в регионе событие — коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. — остается практически неизвестным для исследователей российской истории. Помимо этого, в литературе отсутствует установка на рассмотрение альтернативных версий памяти о событиях русско-польского противостояния начала XVII и начала XIX вв., сосуществовавших на пространстве Российской империи в 1810-е — начале 1830-х гг.

Цель работы — с помощью выбранного теоретического инструментария реконструировать институциональные и символические формы признания Российской империей политической субъектности Царства Польского в период от его создания до восстания 1830–1831 гг.

В ключевые задачи исследования входит:

1. проанализировать ключевые установки в отношении Царства Польского (вкл. категории экономического порядка),

---

⁵ Napiórkowski M. Uroczystości żałobne jako narzędzie legitymizacji i delegitymizacji władzy // Pamiętnik Literacki. 2013. № 4. S. 135–152.

⁶ Граля И. Польский взгляд на русскую смуту // Знание — сила. 2023. № 7. С. 48; Он же. Забытая Смута? Меандры польской исторической памяти // Amicus Poloniae. Памяти Виктора Хорева. М., Индрик, 2013. С. 122–144.

сформировавшиеся у российской политической элиты первой трети XIX столетия;

2. изучить транслируемые имперскими властями в Царстве Польском нарративы и рассмотреть символы, их утверждающие;
3. идентифицировать особость таких установок, а также практик, задействованных в их продвижении, по отношению к системе норм, принятых на остальной территории Российской империи; определить уровень общественной узнаваемости существовавших различий;
4. проанализировать степень преемственности указанных установок, нарративов и символических форм при переходе власти от Александра I к Николаю I;
5. исследовать указанные позиции на примере ключевого события для институционализации российской власти в Царстве Польском — коронации Николая I как польского короля (1829 г.), а также серии торжеств, организованных в Варшаве по случаю состоявшейся церемонии;
6. выявить коммеморативные программы и стратегии, выбранные для реализации на территории Царства Польского, включая проекты, связанные с забвением исторических событий XVII — начала XIX вв.

Хронологические рамки работы охватывают преимущественно 1810-е — начало 1830-х гг., то есть период, ограниченный двумя значительными столкновениями — Отечественной войной 1812 г. и польским восстанием 1830–1831 гг. В отдельных случаях для понимания более широкого контекста привлечены материалы более раннего периода, в частности эпохи разделов Польши (1772, 1793, 1795 гг.).

Географические рамки работы соотносятся с территорией Царства Польского, однако в отдельных случаях рамка исследования сдвигается в сторону рассмотрения и территорий, присоединенных к Российской империи в результате разделов Польши конца XVIII в.

Источниковая база исследования

Диссертационное исследование основывается на широком круге исторических источников, отобранных в соответствии с целями и задачами работы. Источниковую базу работы составляют как материалы, отложившиеся в 10 архивохранилищах России, Польши и Финляндии, так и опубликованные источники.

Основные документы работы можно разделить на следующие видовые группы: законодательство, делопроизводство структур и учреждений, принимавших участие в формировании и реализации политики Российской империи в Царстве Польском в первой трети XIX в., а также администрации самого Царства Польского в указанный период, периодика, источники личного происхождения, а также визуальные материалы.

Законодательные источники исследования позволили реконструировать этапы выработки и реализации в 1810-е — начале 1830-х гг. российской политики в отношении Царства Польского. Анализ материалов Полного собрания законов Российской империи в сопоставлении с материалами РГИА (Ф. 469, 472–473, 539, 821, 1400, 1409) и AGAD (F. 190, 191, 198, 210) дал возможность определить основные положения российской политики на указанной территории, идентифицировать целый ряд нормативных актов, адресованных исключительно жителям Царства Польского. Это позволило поставить вопрос о коммуникации императора с подданными, а именно о существовании практики отдельного обращения к подданным Российской империи и Царства Польского.

Многочисленные источники делопроизводственного характера, отражающие работу Министерства императорского двора (РГИА. Ф. 469, 472, 539, 821), Министерства внутренних дел (РГИА. Ф. 1289), Министерства финансов (РГИА. Ф. 583), Третьего Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии (ГА РФ. Ф. 109), Синода (РГИА. Ф. 796), канцелярий великого князя Константина Павловича (AGAD. F. 198; РГВИА. Ф. 25, 35; РГИА. Ф. 539), были привлечены для изучения подготовки и проведения варшавской коронации 1829 г. Их анализ позволил

реконструировать этапы подготовки к церемонии и идентифицировать соотношение вовлеченности в процесс чиновников из Петербурга и Варшавы. Здесь также содержатся данные о складывании церемониала (вкл. описания польских коронаций и петербургских похорон польского короля Станислава Августа Понятовского в 1798 г. (РГАДА. Ф. 12, 156)), создании и публикации манифестов, выборе регалий и определении поведенческих установок (РГИА Ф. 473, 477, 516). Источники из фондов Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии (ГА РФ. Ф. 109) и Синода (РГИА. Ф. 796) отражают общественные настроения в Царстве Польском в периоды царствования Александра I и Николая I.

В работе также используются материалы, характеризующие деятельность администрации Царства Польского и великого князя Константина Павловича в качестве представителя монарха в регионе. Значительная часть этих источников хранится в варшавском Центральном архиве древних актов (AGAD. F. 190, 191, 198, 210). Эти документы содержат информацию как о практиках администрирования, принятых в Царстве Польском в период от создания до начала восстания 1830–1831 гг., так и об организации в Варшаве коронации 1829 г.

Особое значение для анализа политической ситуации в Царстве Польском имеют материалы Министерства финансов за 1810-е — начало 1830-ых гг. (РГИА. Ф. 583). Рассмотрение этого блока материалов позволяет сделать выводы относительно финансирования этой территории как непосредственно после окончания наполеоновских походов и создания автономии, так и в последующие полтора десятилетия.

Документы, извлеченные из фондов Национального архива Финляндии (ККК 579, 320, 326), дают представление об ожиданиях финляндцев на фоне проводимой российскими императорами политики в Царстве Польском и позволяют провести сопоставительный анализ действий российских властей в Польше и в Финляндии.

Одним из значимых источников исследования является периодика Российской империи и Царства Польского. К работе привлечены материалы из «Вестника Европы», «Московских ведомостей», «Отечественных записок», «Русской старины», «Русского архива», «Русского инвалида», «Санкт-Петербургских ведомостей», «Северной почты», «Северной пчелы», «Сына Отечества», а также таких изданий, как «Gazeta Warszawska», «Kurjer Warszawski», «Nowa Polska» и «Tygodnik Petersburski». Эти материалы содержат данные, позволяющие реконструировать интерпретацию российской политики в польских землях и проанализировать нарративы (от официальных до протестных), которые оформляли русско-польское взаимодействие на разных уровнях.

Источниковую базу исследования составили также источники личного происхождения — обширная корреспонденция Александра I, Николая I и великого князя Константина Павловича, письма, дневники и воспоминания их приближенных (А. Чарторыйского, А.Х. Бенкендорфа, Н. Н. Новосильцова, В.А. Жуковского и др.), а также представителей военной, административной и культурной элиты Российской империи и Царства Польского указанного периода (А.А. Закревского, П.А. Вяземского, А.Ф. Львова, Р.С. Эдлинг, И. Прондзинского, Ю. Красинского, Н. Кицки, Ю. Немцевича и др.). Отдельный блок источников этого типа представляют собой материалы, посвященные периоду Отечественной войны 1812 г., заграничным походам русской армии, а также польскому восстанию 1830–1831 гг. Помимо опубликованных документов были использованы материалы личных фондов из нескольких архивохранилищ России и Польши — ГА РФ (Ф. 672), РГИА (Ф. 660, 706, 832, 1018, 1072, 1101), Отдела рукописей РНБ (Ф. 73, 341, 452, 526, 542, 859, 1000, 1001), а также Библиотеки кн. Чарторыйских в Кракове (№ 6422).

Особое значение для диссертационной работы имеет значительная по объему переписка Александра I, Николая I и великого князя Константина Павловича: анализ этих текстов позволяет пошагово реконструировать процессы политического порядка в Царстве Польском на протяжении

полутора десятилетий. Указанный блок источников также дает представление о системе взглядов и воззрений представителей династии, принимавших решения в отношении Царства Польского.

К рассмотрению были также привлечены тексты ряда публичных речей Александра I и Николая I в польском сейме в 1818–1830 гг., а также речи Николая I, адресованные полякам после подавления восстания 1830–1831 гг. Эти источники отражают установки имперских властей в отношении польских территорий империи и — предметно — взгляд на историю русско-польского противостояния.

Анализ процессов формирования истории памяти в Российской империи указанного периода потребовал привлечения текстов историографов XVIII — начала XIX в. (В.Н. Татищева, М. Щербатова, П.-Ш. Левека и Н.М. Карамзина), содержащих оценку событий Смутного времени, а также некоторые художественные тексты, в частности работы К. Ф. Рылеева, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, Ф. В. Булгарина и А. С. Хомякова, содержание которых указывает на степень узнаваемости в публичном пространстве империи отдельных исторических событий начала XVII в.

Еще одной группой источников, изученных в процессе работы, являются визуальные материалы, извлеченные из архивохранилищ и музейных фондов России и Польши (ГА РФ, РГИА, AGAD, Архив Польской академии наук (Варшава), Национальный музей (Варшава), Музей Войска польского (Варшава)). Прежде всего речь идет о картинах, рисунках, карикатурах и изображениях на медалях.

Эта группа источников содержит данные о церемониях (вкл. планировавшиеся, но нереализованные) и других формах и символах, связанных с позиционированием как самого Царства Польского, так и власти российского императора на этой территории. Указанные материалы также содержат сведения о разворачивавшихся в связи с наполеоновскими войнами и периодом начала XVII в. процессах мемориализации. В последнем случае

стоит отдельно отметить визуализацию такого исторического события, как клятва Василия Шуйского перед Сигизмундом III в 1611 г.

В целом, источниковая база исследования является репрезентативной и позволяет комплексно рассмотреть процессы выстраивания российской политики на западных границах империи в первой трети XIX столетия (вкл. стратегии и практики мемориализации), а также реконструировать как официальные, так и неофициальные нарративы, оформившиеся в это время в Царстве Польском.

Теоретические основания исследования и терминология

Для решения поставленных задач используется, прежде всего, классический источниковедческий подход к материалам исследования. Вместе с тем постановка целей и задач диссертационного исследования, а также видовое многообразие источников (от манифестов и публичных речей до карикатур и оперных либретто) определили обращение к методам и подходам, выходящим за рамки традиционных установок, используемых в академических работах исторического профиля.

В исследовании используется рамка анализа, предложенная в работах Р. Уортмана, изучавшего историю российской монархии в XVIII – начале XX вв. и предложившего трактовку, согласно которой презентация власти Романовых была реализована в сменявших друг друга «сценариях власти» российских императоров от Петра I до Николая II. Р. Уортман убедительно продемонстрировал значение того, что прежняя историография интерпретировала не более чем «театр власти». В работах Уортмана, содержащих разбор как публичных ритуалов (коронаций, парадов, свадеб, похорон и пр.), так и анализ отдельных риторических конструктов, пространство церемоний оказывается прямо связанным с социокультурной средой и задает базовые возможности для утверждения статуса и лояльности имперской элиты⁷.

---

⁷ Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. М.: ОГИ, 2004; Wortman R. Visual Texts, Ceremonial Texts, Texts of Exploration: Collected Articles on the Representation of Russian

Постановка задач, связанных с анализом в указанном контексте категорий памяти и забвения, требует привлечения установок, предложенных такими направлениями, как история памяти (Memory Studies) (М. Хальбвакс⁸, П. Нора⁹, Ян Ассман¹⁰ и др.) и история эмоций (У. Редди¹¹, Б. Розенвейн¹² и др.).

В случае с историей памяти значимой является выраженная еще в работах М. Фуко и получившая впоследствии широкое распространение установка, что каждая эпоха не столько реконструирует образ прошлого по сохранившимся источникам, стремясь при этом к достижению объективности, сколько формирует собственную версию истории. Появление последней определяется текущими потребностями власти и/или других влиятельных социальных групп.

Существенное значение для анализа процессов, происходивших в Царстве Польском в 1810-е — начале 1830-х гг., имеет концепт «места памяти» П. Нора (отсылка к пространству складывания и функционирования памяти сообщества, соотносённому как с материальной сферой, так и с областью идей и представлений), а также предложенное Я. Ассманом представление о том, что власть, реализуя свои цели, может задействовать разные стратегии памяти, включающие в себя и установку на забвение.

В части использования подходов истории эмоций значимыми являются установки о возможной коллективной природе памяти и эмоции, а также связи между ними (М. Хальбвакс). Существенны в этом отношении и выработанные

Monarchy. Boston: Academic Studies Press, 2014; Wortman R. The Power of Language and Rhetoric in Russian Political History: Charismatic Words from the 18th to the 21st Centuries. London: Bloomsbury Press, 2017.

⁸ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. №2–3 (40–41). С.8–27; Он же. Социальные рамки памяти / [пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкин]. М.: Новое издательство, 2007.

⁹ Les Lieux de mémoire / ed. Nora P. Paris: Gallimard, 1984–1992. Vol. 1–7; Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations. 1989. Vol. 26. Spring. P. 7–24; Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж., Винок М. Франция — память / пер. с фр. и послесл. Д. Р. Хапаевой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999.

¹⁰ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.

¹¹ Reddy W. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 2004.

¹² Rosenwein B. Worrying about Emotions in History // The American Historical Review. Vol. 107. 2002. P. 842; Rosenwein B., Cristiani R. What is the History of Emotions? Cambridge: Polity, 2018. P. 33–34.

в рамках направления представления об «эмоциональном режиме» (У. Редди) и «эмоциональном сообществе» (Б. Розенвейн), а также представление о сосуществовании подобных структур. Оба термина используются в работе в значении, предложенном в оригинальных исследованиях. «Эмоциональный режим» понимается как «набор нормативных эмоций, официальных ритуалов, практик и эмотивов, которые их выражают и внедряют» и выступающий как «необходимая основа любого стабильного политического режима»¹³. Термин «эмоциональное сообщество» интерпретируется как сообщество, члены которого объединены комплексом представлений об эмоциональной сфере, (вкл. необходимость выражать конкретные эмоции в конкретных ситуациях).

Используемый в работе термин «стратегия управления» представляет собой указание на систему шагов, позволяющую реализовывать принятую политическую линию, в том числе формирование образа власти в регионе и задействованные коммуникативные стратегии.

С учетом выбранной исследовательской оптики в работе используются наименования, имевшие хождение на территории Российской империи: например, «Царство Польское», а не «Королевство Польское». В ряде случаев само существование двойной номенклатуры становится предметом рассмотрения.

Новизна исследования определяется рядом аспектов.

Во-первых, впервые в историографии предпринимается попытка комплексного анализа политики Российской империи в отношении Царства Польского в первой четверти XIX в. До настоящего момента субъектное в политическом отношении положение польских земель в составе империи определялось вне предметного рассмотрения установок и действий российских властей. Предлагавшиеся ранее трактовки не учитывали мотивацию российских акторов и закономерности в выработке решений; не

---

¹³ Reddy W. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. P. 128–129. Перевод приведен по: Плампер Я. Эмоции в русской истории // Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций / под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат и М. Эли. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 22.

признавалось значение для реализации этой политической линии таких категорий, как память и забвение. При этом такая аналитическая модель предполагала принципиальное отделение представленных категорий и политических практик, принятых в царствование императора Александра I, от моделей, актуализированных в период правления Николая I. В поле зрения исследователей не попадала имеющая ключевое значение для анализа позиционирования российской власти в Польше коронация Николая I как польского короля (1829 г.) и последующая детронизация императора в 1831 г.

Во-вторых, в исследовании был использован в качестве основного источника корпус архивных материалов, не введенных ранее в научный оборот. Среди наиболее значимых материалов здесь следует назвать: (1) манифесты Александра I и Николая I, адресованные жителям Царства Польского и не публиковавшиеся на остальной территории Российской империи, вкл. манифест Александра I о создании Царства Польского (13 (25) мая 1815 г.) и манифест Николая I с клятвой Конституционной хартии (13 (25) декабря 1825 г.); (2) источники, отражающие поведение варшавской коронации 1829 г.; (3) материалы Министерства финансов Российской империи, освещающие вопрос денежной политики, проводимой в Царстве Польском; (4) полный комплекс речей Александра I и Николая I перед польским сеймом за 1818–1830 гг.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Российская политика в Царстве Польском, ставшем частью Российской империи в 1815 г., вплоть до польского восстания 1830–1831 гг. была развернута в сторону признания политической субъектности этих территорий. Российские власти отказались от идеи интегрировать Царство в состав империи на административном, экономическом или даже символическом уровне. Эти установки артикулировались в политической риторике и реализовывались в признании права этих территорий на собственную версию исторических событий XVII — начала XIX вв.

2. Признание особенности этой части империи было реализовано в публичном пространстве, прежде всего в императорских манифестах, обращенных к жителям Царства Польского, и сеймовых речах 1818–1830 гг. Политическая субъектность этой территории также нашла свое отражение в титулатуре, гербах и орденой системе Российской империи. На указанный период пришлось и реактуализация ряда идеологем, главной из которых являлась идея «братских (соплеменных) народов». Российскому обществу был также предписан поведенческий шаблон, требовавший проявлять определенный набор эмоций в отношении Польши и поляков.
3. Политика России в Царстве Польском, реализуемая в правление Александра I и в первые годы царствования Николая I, носила беспрецедентный характер с точки зрения сопоставления ее с практиками, принятыми в других регионах Российской империи. Формирование особой политической линии в отношении Царства со временем потребовало контроля за информационным потоком — распространение получила практика раздельного обращения к подданным Российской империи и Царства Польского. Это привело к тому, что представления о сути и значении одного и того же явления или события в империи и Царстве Польском существенно отличались друг от друга, а за пределами российских столиц политика российской власти в Польше не была осознана как особая.
4. В отношении выстраивания российской политики в Царстве Польском, направленной на признание политической субъектности территории, можно констатировать преемственность между Александром I и Николаем I. Более того, Николай I развил ряд политических планов брата и предшественника на престоле, осуществив в 1829 г. в католической Варшаве коронацию как польский король.
5. Коронация Николая I 1829 г. в Варшаве стала одной из наиболее знаковых форм признания польской политической субъектности.

Решение осуществить коронацию имело в своей основе комплекс причин, однако действия Николая I, сомневавшегося в необходимости такого ритуала и откладывавшего его три года, указывают на то, что проведение церемонии было главным образом продиктовано причинами, лежащими в сфере политической психологии российской власти и элиты начала XIX в. Последние, в свою очередь, были связаны с восприятием Польши как европейского форпоста, отличного от всей остальной территории Российской империи и требующего особого отношения. Варшавское действо виделось его российскими организаторами как попытка найти компромисс с Польшей, а избранная логика построения церемонии predetermined пропольскую форму коронации.

- б. Признание политической субъектности Царства привело к выбору имперскими властями в качестве актуальной стратегии памяти идею забвения русско-польских столкновений. При этом речь шла не только о недавней Отечественной войне 1812 г., но и о событиях более раннего периода, а именно участии Польши в интервенции на территории России начала XVII столетия. Такая установка открыла возможность для создания и поддержания разных, зачастую противоположных по своей сути нарративов в Российской империи и в Царстве Польском. В Царстве существовали самостоятельные (по отношению к вариантам, распространенным в России) версии памяти о прежних столкновениях. При этом российские власти отказались от распространения или промоутации в Царстве трактовок и позиций, активно поощрявшихся на всей остальной территории империи

Теоретическая и практическая значимость. Полученные в процессе проведения исследования результаты могут быть использованы при подготовке учебных программ по истории России XIX в., а также специальных курсов, посвященных истории русско-польских отношений (вкл.

экономическую составляющую), репрезентации власти указанного периода и формированию политической риторики.

Междисциплинарный характер работы позволяет использовать полученные результаты и академические подходы на практике при проведении исследований как в рамках изучения истории, так и в смежных областях гуманитарного знания – культурологии, искусствоведении и филологии.

Апробация исследования

Положения настоящей работы неоднократно обсуждались на научных конференциях, воркшопах и семинарах, в том числе в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики», Институте славяноведения РАН, Туринском университете (Италия), Университете Мюнхена (Германия), Эдинбургском университете (Великобритания), Эмерст колледже (США), Университете Иллинойса в Чикаго (США) и Колумбийском университете (США). Автором были представлены доклады на таких конференциях как Всероссийский симпозиум «Идеология: ревитализация концепта в исторических исследованиях» (онлайн, 2020), Международная конференция «Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация, (на)значение» (НИУ «Высшая школа экономики» 2019), Международная конференция «Между соглашательством и царубийством. Пределы польско-российского политического компромисса в эпоху Царства Польского» (Варшава, 2019 г.) и др.

Основные результаты диссертационного исследования опубликованы в 35 публикациях (включая статьи в рецензируемых научных изданиях, включенных в Web of Science или Scopus и рекомендованных ВАК при Минобрнауке РФ и индивидуальную монографию общим объемом 33 п.л).

Структура работы включает в себя введение, восемь глав, заключение и восемь приложений.

СОДЕРЖАНИЕ И ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Во **Введении** дается обоснование актуальности темы диссертации, определяются объект и предмет исследования, формулируются его цели и задачи, устанавливаются хронологические и географические рамки, определяется методологическая база, предметно рассматривается степень разработанности проблемы и источниковая база, определяется научная новизна и практическая значимость, приводятся сведения об апробации основных результатов исследования, представлен перечень научных положений диссертации, вынесенных на защиту.

В главе 1 «Александр I и формирование новой политической стратегии в Царстве Польском после Отечественной войны 1812 г.» отмечается, что политика Российской империи в отношении Царства Польского, вошедшего в состав империи в 1815 г. определялась, с одной стороны, политическими установками императора Александра I, а, с другой, общественной памятью о событиях 1812 г. и активном участии поляков в войне против России на стороне Наполеона.

Развернувшееся военное столкновение не послужило для Александра I основанием к пересмотру собственных представлений относительно поляков и Польши. Напротив, кризис в отношениях с российской элитой того периода способствовал переключению внимания императора на польскую ситуацию и новых подданных, свободных от существовавших в Российской империи структур памяти и нарративных конструкций.

В первые годы после создания Царства император Александр I сформировал со своими польскими подданными «эмоциональное сообщество», в котором формы проявления эмоций и поводы для их выражения не всегда совпадали с тем, что было принято в империи. Выстраивая свой сценарий власти в Царстве Польском, Александр I стремился дистанцироваться от российской патриотической риторики и православного

контекста. В значительной мере его установки совпадали с польским политическим и историческим нарративами. Эти обстоятельства позволяют выдвинуть предположение о значимости эмоциональной оставляющей для принятия политических решений при реализации польского проекта императора Александра I.

Конституируя польскую травму, связанную с разделами Польши, император возложил ответственность за все произошедшее на своих российских подданных. Компенсаторный механизм, который он запустил, строился на преференциях, перенаправленных в сторону западных территорий империи. В александровской период объем средств, получаемых Царством Польским из российской казны, а равным образом экономические преференции, распространявшиеся на автономию, были исключительными.

В первое десятилетие существования Царства Польского (1815–1825 гг.) российские власти отказались от идеи интегрировать Царство в состав империи на административном, экономическом или даже символическом уровне. Формирование особой политической линии в отношении Царства со временем потребовало контроля за информационным потоком — распространение получила практика раздельного обращения к подданным Российской империи и Царства Польского. Это привело к тому, что представления о сути и значении одного и того же явления или события в империи и Царстве Польском существенно отличались друг от друга, а за пределами российских столиц политика российской власти в Польше не была осознана как особая.

В **главе 2** «Формы политической субъектности Царства Польского (1815–1825 гг.)» на основе анализа источников делается вывод о том, что император Александр I был готов признать политическую субъектность Царства Польского и декларировать ее в любой форме и на любом уровне. Император, по сути, создал новую традицию, которая продемонстрировала устойчивость безотносительно изменений политической реальности, возникавших на западных границах империи. Формула «Император и

Самодержец Всероссийский, Царь Польский и Великий князь Финляндский», закреплявшая иерархию территорий страны, переместилась в манифест о вступлении на престол Николая I, а затем — в присягу наследника Александра Николаевича. Став императором, Александр II также воспроизвел этот риторический конструкт в манифесте о восшествии на престол.

В главе делается вывод о том, что в александровской период признание личности и – конкретнее – политической субъектности Царства Польского нашло свое отражение в титулатуре, гербах и орденской системе Российской империи. В это время произошла реактуализация ряда идеологием, главной из которых являлась идея «братских (соплеменных) народов». Российскому обществу был предписан поведенческий шаблон, требовавший проявлять определенный набор эмоций в отношении Польши и поляков. Эмоциональный режим эпохи апеллировал к категории «любовь» наравне с категорией «дружба», а отношение части русского общества этого периода к Польше определялось во многом переносом на Польшу русской влюбленности в Европу.

С вхождением Царства Польского в состав империи упоминание в публичном пространстве о военных столкновениях между Россией и Польшей не только не приветствовалось властью, но и, в значительной мере, перешло в зону табуирования. Забывание недавнего противостояния двух стран при Бородино и Березине, с одной стороны, и попытка выстраивания новой концепции единства двух народов, с другой, стали новой политической стратегией правящей элиты.

Глава 3 «Политика Николая I в Царстве Польском в 1825–1829 гг.» демонстрирует, что первые месяцы правления императора Николая были отмечены сразу несколькими декларациями, обращенными в сторону Царства Польского. Так, 13 (25) декабря 1825 г., т. е. на следующий день после обнародования манифеста о восшествии на престол и за день до восстания декабристов, Николай I издал манифест, адресатом которого стали жители Царства Польского. Документ содержал в себе клятву польской конституции,

которая была предписана Александром I своим наследникам и зафиксирована в Конституционной хартии 1815 г. Действия Николая I определялись стремлением монарха обеспечить спокойствие на западных границах его империи.

Существенно, что к моменту смерти Александра I особое положение Царства Польского определялось присутствием в Варшаве великого князя Константина Павловича, постоянно жившего в столице Царства с середины 1810-х гг. Формально Константин командовал польской армией, однако в действительности он был облечен в Польше самой широкой властью. С 1822 г. Константин Павлович фактически контролировал регион, который включал в себя бывшие земли Речи Посполитой, вошедшие в состав Российской империи в XVIII — начале XIX вв. К середине 1820-х гг. Константин практически перестроил собственное «я» на польский манер: он был женат на польской дворянке, мог именовать себя «поляком» и находился под некоторым влиянием католичества. Несмотря на непопулярность в Польше, он видел себя человеком, выступающим от лица поляков и призванным защищать их интересы. Акторная позиция великого князя сыграла впоследствии значительную роль в формировании образа будущей коронации Николая I как польского короля.

Спустя несколько месяцев после восшествия на престол Николай I инициировал подготовку к коронации в Варшаве, сообщив о необходимости проведения церемонии великому князю Константину Павловичу. К решению провести коронацию Николая I могли подтолкнуть слухи о действиях Австрии, вкупе с желанием нейтрализовать позицию брата в польских землях. Очевидно, однако, что эти позиции не были основным мотивирующим фактором. К 1829 г., когда Николай I все-таки принял решение провести церемонию в Варшаве, угрозы на западных границах империи не существовало, а сам монарх обретал все больше независимости в своих действиях – он уже был коронован в Москве (1826 г.), завершил тяжелый процесс над декабристами; император стоял на пороге победы в Русско-

турецкой войне (1828-1829 гг.), а общество прочитывало его действия через образ его кумира Петра Великого. Согласившись на проведение коронации в Варшаве Николай I выбрал лично не близкую ему стратегию признания особы Царства Польского и продолжил тем самым политическую линию, принятую в правление его брата и предшественника на престоле Александра I.

В главе 4 «Подготовка коронации Николая I как польского короля» рассматривается вопрос о выработке церемониала коронации и отборе коронационных регалий. Обсуждение коронации, продлившееся три года, продемонстрировало сложность выработки структуры ритуала. Вопросы о месте проведения церемонии, ее структуре, клятве или молитве, которую должен был произнести император, наконец, светской или сакральной природе коронации не имели однозначного решения, способного удовлетворить участников дискуссии, включая императора и великого князя Константина Павловича.

Выбор коронационных регалий был реализован исходя из интересов Царства Польского (какими их видел император Николай). В церемонии были использованы российская корона императрицы Анны Иоанновны и екатерининский скипетр со знаменитым алмазом «Орлов», однако власти предприняли серьезные усилия, которые должны были сгладить потенциальное недовольство присутствием русских имперских регалий. Главным символом церемонии наравне с королевским венцом стал польский орден Белого Орла.

Варшавское действо виделось его российскими организаторами как попытка найти компромисс с Польшей. Избранная логика предопределила максимальную предупредительность по отношению к польским традициям и нарративам, вплоть до изменения сегментов использовавшихся имперских регалий и конструирования дополнительных церемоний, целью которых являлась перекодировка символической составляющей.

Решение осуществить коронацию имело в своей основе комплекс причин, однако действия Николая I, сомневавшегося в необходимости такого ритуала и откладывавшего его три года, указывают на то, что проведение церемонии было главным образом продиктовано причинами, лежащими в сфере политической психологии российской власти и элиты начала XIX в. Последние, в свою очередь, были связаны с восприятием Польши как европейского форпоста, отличного от всей остальной территории Российской империи и требующего особого отношения.

Соглашаясь на проведение столь знаковой церемонии, Николай I действовал вопреки собственным эмоциональным реакциям, главной из которых в связи с проведением церемонии император называл «отвращение»¹⁴. Иными словами, монарх отделил собственные личностные оценки от того, что, как он полагал, было правильной политической стратегией.

В главе 5 «Проведение коронации Николая I как польского короля (1829 г.)» анализируется церемония коронации Николая I как польского короля, реализованная в Варшаве в 1829 г. Ритуал, в целом, соответствовал выработанному сценарию – на формальном уровне церемония была представлена как светское действо, однако ей предшествовало освящение инсигний, а по окончании – молебен в соборе Св. Яна. Никто из приехавших с Николаем из Петербурга имперских чиновников и военных в процессии задействован не был – церемония выноса регалий прошла исключительно при участии чиновников и военных Царства Польского. Вероятные опасения Николая I и его приближенных, что церемония может вызвать неприятие, не подтвердились – коронация вызвала большой интерес, вплоть до проявления аффектированных форм поведения со стороны публики.

Вопреки ожиданиям Николая I, настаивавшего на светском характере церемонии, избежать религиозных контаминаций не удалось. Император,

---

¹⁴ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1. 1825–1829 // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1910. Т. 131. С. 325.

очевидно, сознательно избегал публичных отсылок к православию, однако иерархи католической церкви выступали в качестве активных участников коронации. Особую роль получил примас католической церкви — он подавал монарху регалии, а также произнес две молитвы, которые «обрамляли» молитву императора. Присутствие и активная роль примаса создавали у зрителей ощущение, что он хоть и не коронует Николая I, но ведет церемонию.

В рамках прочтения своего образа во время подготовки и проведения коронационных торжеств Николай I опирался на польскую историко-культурную традицию, апеллируя к образам польских королей Владислава III и Яна III Собеского, а также нарративу единства борьбы России и Польши против турецкой угрозы.

Информация о проведенной церемонии распространялась в Царстве Польском и Российской империи в рамках независимых друг от друга установок. Николай I продолжил нормативную при Александре I практику раздельного обращения к подданным Российской империи и Царства Польского. В России описание церемонии – как в рамках официального манифеста, так и в прессе – было сопряжено с намеренным смещением акцентов с целью не допустить понимания того, что события, разворачивавшиеся в столице Царства Польского, прямо апеллировали к польской культурно-исторической традиции.

Общий взгляд на церемонию коронации дает возможность обнаружить – реализованный сценарий действия, казавшийся императору Николаю I компромиссным, в действительности оказался радикально смещен в сторону польских религиозных и культурных реалий.

Глава 6 «Забвение как политическая стратегия: пространство николаевской коронации и память о русско-польских столкновениях начала XVII в.» представляет результаты рассмотрения практик работы с категориями памяти в Царстве Польском.

Коронация в Варшаве происходила спустя чуть более чем полтора десятилетия после окончания Отечественной войны 1812 г. и Заграничных

походов русской армии. Противостояние с поляками не было забыто, но политический взгляд на события тех лет требовал от общества иметь в виду ряд существенных ограничений. При этом выбранная еще императором Александром I стратегия памяти затронула не только события начала XIX столетия, она предопределила и прочтение столкновения России и Польши периода Смутного времени начала XVII в.

Существенно, что в целом выстраивание в России проекта исторической памяти о Смутном времени шло параллельно разворачиванию мемориальных практик в Польше, при этом русская и польская версии выступали как конкурирующие. В целом, отношение Романовых к польскому проекту памяти о событиях начала XVII в. не строилось на стремлении «предать забвению» прежние конфликты, что особенно видно на примере первых царей династии, включая Петра I.

К началу XIX в. в Варшаве уже более полутора столетий существовала символическая ось триумфа над Москвой, определявшая облик городского центра (Московская часовня, Колонна Сигизмунда и Варшавский замок с залом Сената). Созданная в первой половине XVII столетия, она была выстроена вокруг мемориалов, связанных с двумя антагонистами периода Смуты — польским королем Сигизмундом III и захваченным в плен московским царем Василием Шуйским. В последнем случае был использован символический потенциал унижительной для России присяги Василия Шуйского Сигизмунду III в 1611 г. Подобная структура городского пространства – при условии «считывания» подобных исторических нарративов – представляла отдельную проблему для проведения в Варшаве коронации Николая I.

Источники демонстрируют отсутствие у Николая I и его свиты, прибывшей на коронацию в Варшаву в 1829 г., какой бы то ни было зримой реакции на антирусскую топографию польской столицы. Подобное отношение следует рассматривать как часть политической стратегии. Характерными чертами последней были отказ от подрыва польской версии памяти о событиях

начала XVII в. и отсутствие стремления продвигать в Царстве Польском трактовку истории, которая уже сформировалась в Российской империи. Решение не фиксироваться в момент нахождения в Варшаве на памяти о польской агрессии периода Смуты и эпизоде с унижением детронизированного Василия Шуйского мало чем отличалось от стратегии забывания Отечественной войны 1812 г. Польская версия — незапрещенная, то есть де-факто разрешенная — функционировала в значительной мере автономно. Польша, утратившая независимость за несколько десятилетий до описываемых событий, в глазах российской власти не потеряла право считаться политическим субъектом, формирующим в том числе и собственную версию национальной истории.

В **Главе 7** «Итоги коронации» отмечается, что несмотря на позднейшую переоценку произошедшего, коронация 1829 г. была воспринята в Царстве Польском позитивно. Имперские власти также расценивали церемонию как несомненный успех. Отношение русского общества к коронации в Варшаве не нашло широкого отражения в источниках, а оценки, высказанные представителями императорской свиты или приближенными великого князя Константина Павловича, фрагментарны, однако в отдельных текстах, принадлежащих перу прежде всего военных, можно встретить указания на то, что коронация расценивалась как проявление неверной политики империи в регионе.

Несмотря на сложности с позиционированием коронации для российских подданных монарха, попытки найти формы презентации нового состояния – монарх был теперь российским императором и польским королем, а единство России и Польши было подчеркнуто при помощи уникальной церемонии – продолжались и позднее. Одна из возможных интерпретационных моделей была представлена в речи митрополита Киевского и Галицкого Евгения (Болховитинова), произнесенной в присутствии Николая I в июне 1829 г. Поиск форм символической рецепции коронации был санкционирован императором, а, значит, можно

предположить, что монарх рассматривал возможность включения польской коронации в имперский «сценарий власти».

Вместе с тем источники указывают на рассогласованность эмоционального состояния, в котором пребывал император Николай, и системы шагов, реализованной в Варшаве весной – летом 1829 г. Император стремился освободиться от предписанных Конституционной хартией обязанностей по отношению к Польше и надеялся, что принесенная с его стороны «жертва» окажется «полезной»¹⁵.

Мотивировка к преодолению противоречия была найдена в апелляции к категории «долг» и ожиданиях конкретного отклика со стороны польских подданных монарха. В жителях Царства Польского император рассчитывал пробудить подлинную и искреннюю благодарность. Такие ожидания зиждились на предшествующей политической практике в регионе – к моменту смерти Александра I отсылки к категории «благодарность» стали неотъемлемым элементом диалога жителей Царства и Романовых. Последующие события и оценки восстания 1830–1831 гг. демонстрируют, что император Николай I не воспринял проявления такого рода как часть формального диалога. Напротив, обещания быть благодарными были интерпретированы им как своего рода контрактные обязательства. Все это позволило Николаю I дистанцироваться от собственных реакций и в краткосрочной перспективе оценить коронацию позитивно.

В главе, в целом, делается вывод о поддержании в первые годы николаевского царствования особого эмоционального режима, регулировавшего отношение подданных Российской империи, включая самого императора, к Царству Польскому и полякам. Очевидно, что ко второй половине 1820-х гг. заданный Александром I эмоциональный режим обладал определенной устойчивостью.

---

¹⁵ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 325.

Материалы, представленные в **главе 8** «Исторические нарративы и символическая политика в Царстве Польском в период восстания 1830–1831 гг.», демонстрируют, что через год после коронации, в мае 1830 г. Николай I еще раз побывал в Варшаве. Этот визит представляется знаковым и демонстрирует устойчивость оценок императора в отношении достигнутого согласия с подданными в Царстве Польском. Уверенность монарха, что благодаря его действиям в Царстве Польском установилось полнейшее спокойствие, не смогли поколебать даже сообщения о так называемом заговоре В. Смагловского.

Целью поездки 1830 г. стало участие в очередном сейме, празднование годовщины коронации и 15-летия создания Царства Польского. Два последних события имели значение для позиционирования власти императора в польских землях, но не были интегрированы в более широкий имперский контекст и не соотносились с выстроенной в России системой коммемораций.

В главе также отмечается, что, начавшееся в этом же году и продлившееся около года польское восстание, стало крайней формой проявления политической субъектности. Очевидно, свой вклад в развитие событий внесла политика, проводившаяся Александром I и Николаем I в Царстве Польском в предшествующие полтора десятилетия.

Отмечается, что повестку дня и логику развития событий первого периода восстания формировала в значительной мере польская сторона – манифест о переходе русской армией границы Царства Польского был издан только после того, как в Варшаве прошла деторнизация Николая I (1831 г.). Документы конца 1830 – начала 1831 гг. также показывают сложности с изменением прежней политической риторики: в российском манифесте Николая I о начале польского восстания содержался призыв «не мстить» и быть готовыми «к примирению со всеми, кои возвратятся к долгу»¹⁶.

Начало полномасштабного подавления восстания стало сигналом к

---

¹⁶ ПСЗ. Собрание 2. Т. 5. Ч. 2. № 4183. С. 487–488.

отказу от прежде табуированных нарративов и возврату к риторике вражды. Российская сторона обращалась к памяти об Отечественной войне 1812 г. и – шире – памяти об исторических столкновениях в целом, переописывая Польшу как территорию вне рамок политической субъектности (пространство, завоеванное силой русского оружия, извечный враг России). Восставшие в это же время активно вспоминали период собственного триумфа — взятие Смоленска и Москвы и присягу московского царя Василия Шуйского Сигизмунду III в начале XVII в.

Вместе с тем александровская, а затем и николаевская идеологема мира в регионе, которая зиждилась на забвении и необходимости поддержания нового единства всеми возможными способами, продемонстрировала явную устойчивость. При резкой смене политического вектора отказаться от этих установок было непросто даже военным. Образы независимой в своих суждениях Польши, ее храброй и боеспособной армии, ее территории, которая безотносительно происходящих событий не должна пострадать ни экономически, ни ментально, в известной степени определили действия великого князя Константина Павловича и двух командующих русской армией в 1830–1831 гг. В этот период психология войны и психология мира буквально находились в состоянии острого столкновения.

Подавление восстания было ознаменовано серией символических жестов и декларативных заявлений со стороны монарха. Их целью было символическое унижение Польши. Однако актуальной стала и стратегия, выработанная еще в середине 1810-х гг. – политическая риторика была развернута в сторону умиротворения и попечения «заблудшихся»¹⁷. С течением времени разговор об «успокоении» обрел черты узнаваемого александровского нарратива примирения, прощения и забвения. В целом, существенно, что ряд установок, выработанных до восстания, не был демонтирован после его подавления.

---

¹⁷ РГИА. Ф. 1018. Оп. 4. Д. 38. Л. 1 об.

В **Заключении** подводятся основные итоги исследования. Отмечается, что анализ привлеченных к диссертационному исследованию источников позволил сделать целый ряд выводов.

Прежде всего, констатируется, что российская политика в Царстве Польском, ставшем частью Российской империи в 1815 г., вплоть до польского восстания 1830–1831 гг. была развернута в сторону признания политической субъектности этих территорий.

Политика России на этой территории носила беспрецедентный характер в сравнении с установками, принятыми в других регионах Российской империи, при этом, можно зафиксировать преемственность между Александром I и Николаем I в отношении выстраивания российской политики в Царстве Польском.

Выбор политической линии, ориентированной на признание политической субъектности Царства Польского, определялся взглядом России на себя и собственное место в европейском пространстве. Усвоенная Петербургом в постпросвещенческий период парадигма, предписывавшая Российской империи маргинализированную позицию по отношению к Европе, делала политическую апроприацию земель, вошедших в состав империи на западе (то есть маркированных как европейские), крайне сложной задачей.

Проведенный анализ позволяет поставить вопрос об устойчивости (как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе) целого ряда задействованных стратегий. Так, источники демонстрируют, что ограничение автономии Царства Польского после подавления восстания 1830–1831 гг. не привело к предполагавшейся смене ряда позиций и установок. Более того, в российско-польских отношениях актуализация указанных стратегий и практик (включая установку на забвение прежних столкновений и отказ продвижения российского взгляда на произошедшие события) может быть зафиксирована в существенно более поздний, советский период.

Диссертация также содержит серию приложений: Приложение I. Записка Н.Н. Новосильцова «Замечания на разные предметы до управления Герцогства Варшавского касающиеся», направленная А.А. Аракчееву (1813 г.); Приложение II. Приложение к записке Н. Н. Новосильцова «Замечания до управления Герцогства Варшавского касающиеся». 1813 г. – «Мемория барона Штейна об управлении Герцогства». 1 февраля [1813]; Приложение III. Манифест Александра I о создании Царства Польского, 13 (25) мая 1815 г.; Приложение IV. Записка неизвестного из архива Н. Н. Новосильцова «О правах иностранцев». Первая четверть XIX в.; Приложение V. Коронационные торжества в Варшаве, апрель — июль 1829 г. Хроника; Приложение VI. О коронации Его Императорского Величества; Приложение VII. Речи Александра I и Николая I в Царстве Польском; Приложение VIII. Визуальные материалы.

Список публикаций по теме диссертационного исследования

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, включенных

в Web of Science или Scopus и рекомендованных ВАК при Минобрнауке РФ

1. Boltunova E. Nicholas I versus Alexander I : Russia in the First Half of the 19th Centuries // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. – 2024. – Vol. 25, № 4. – P. 845–859.
2. Болтунова Е.М., Митина Е.И. «Рыльский именная гражданка», Гаврила Державин и «горестная вдова». Надгробие Григория Шелихова в Иркутске и мемориальные практики в России XVIII – начала XIX вв. // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2024. – Т. 66. – № 3. – С. 169–185.

3. Болтунова Е. М. «Край... от взора Монаршего несколько отдаленный» : Центральная Россия в первой половине XIX в. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – 2022. – № 2 (32). – С. 35–52.
4. Болтунова Е. М. Региональная история России : исследовательское поле и архивная практика (1990-е – начало 2020-х гг.) // *Новое литературное обозрение*. – 2022. – № 178 (6). – С. 235–250.
5. Болтунова Е. М. «Я произнес перед вами слово истины» : речи Александра I в Великом княжестве Финляндском и Царстве Польском // *Новое литературное обозрение*. – 2021. – № 5 (171). – С. 61–79.
6. Boltunova E. The Last King of Poland : Nicholas I's Warsaw Coronation and Russian-Polish Historical Memory // *Kritika : Explorations in Russian and Eurasian History*. – 2021. – Vol. 22, № 2. – P. 229–254.
7. Болтунова Е. М. Рецепция царского/императорского пространства власти в России в 1990-е – 2010-е гг. // *Ab Imperio*. Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. – 2016. – № 2. – С. 261–308.
8. Boltunova E. Russian Officer Corps and Military Efficiency : 1800–1914 // *Kritika : Explorations in Russian and Eurasian History*. – 2015. – № 2(16). – P. 413–422.
9. Болтунова Е.М. «Продана вся Анненгофская роща, рукомойник, трость и какие-то креслы царские...» Представления начала 1800-х гг. об историческом наследии страны // *Вестник архивиста*. – 2015. – № 3. – С. 244–259.
10. Болтунова Е. М. Императоры-монархи и императоры-воины : портрет государя в русском дворце XVIII – первой половины XIX вв. // *Военно-исторический журнал*. – 2014. – № 12. – С. 68–73.
11. Болтунова Е. М. Роль музейного пространства в формировании образа верховной власти. Оружейная палата Московского Кремля XIX–XX вв. // *Военно-исторический журнал*. – 2012. – № 6. – С. 42–47.

12. Болтунова Е. М. Крымская война и батальные полотна Фельдмаршальского зала. Из истории Зимнего дворца времен Николая I // Военно-исторический журнал. – 2011. – № 7. – С. 45–49.

13. Boltunova E. Unity, Disintegration, and Monarchy : Romanov Russia in recent Scholarship // Kritika : Explorations in Russian and Eurasian History. – 2010. – Vol. 11, № 4.– P. 871–888.

14. Болтунова Е. М. Тема войны в декоре российских императорских дворцов XVIII – первой половины XIX вв. // Военно-исторический журнал. – 2010. – № 12. – С. 44–49.

15. Boltunova E. The Space of Authority: the Discourse of Tsar and Emperor in Moscow and St. Petersburg Topography of the Late Seventeenth – Eighteenth Centuries // Ab Imperio. Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. – 2009. – №. 2. – P. 65–104.

Монографии:

16. Болтунова Е. М. Последний польский король : коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских столкновениях XVII — начала XIX вв. – М. : Новое литературное обозрение, 2022. – 559 с.

Публикации по теме исследования в зарубежных изданиях:

17. Boltunova E. Visual Polemics: The Time of Troubles in Polish and Russian Historical Memory (1611–1949) // Picturing Russian Empire / Edited by V. Kivelson, S. Kozlov, J. Neuberger. – Oxford : Oxford University Press, 2024. – Ch. 6. – P. 66–73.

18. Bołtunowa J. Petersburg – Warszawa: podróż koronacyjna Mikołaja I do Królestwa Polskiego w 1829 roku // Między ugodą a insurekcją Granice polsko-rosyjskiego kompromisu politycznego w epoce Królestwa Polskiego 1815–1830. Materiały z konferencji naukowej zorganizowanej w 190. rocznicę koronacji 1829 roku (24 maja 2019 roku) / pod redakcją Henryka Głębockiego. – Warszawa : Centrum Dialogu im. Juliusza Mieroszewskiego, 2023. – S. 289-311.

19. Boltunova E. War, Peace, and Territory in the Late Eighteenth-Century Russian Outdoor Performances // Theater as Metaphor / Ed. by E. Penskaya and J. Küpper. – Berlin : De Gruyter, 2019. – P. 133–142.

20. Boltunova E. The Historical Writing of Catherine II : Dynasty and Self-Fashioning in “The Chesme Palace” (*Chesmenskii Dvorets*) // History and Drama : The Pan-European Tradition / Ed. by E. Penskaya and J. Küpper. – Berlin : De Gruyter, 2019. – P. 86–95.

21. Boltunova E. Imperial Throne Halls and Discourse of Power in the Topography of Early Modern Russia (late 17th –18th centuries) // The Emperor’s House : Palaces from Augustus to the Age of Absolutism (“Urban Spaces”) / ed. by M. Featherstone. – Berlin: De Gruyter Publishing, 2015. – P. 341–352.

22. Болтунова Е. М. Варшава и Санкт-Петербург в церемониальном пространстве друг друга (конец XVIII – первая треть XIX вв.) // *Sztuka Europy Wschodniej/ Искусство восточной Европы Т. 1: Polska - Rosja: Sztuka i Historia. Польша и Россия: Искусство и История. Польское искусство, российское искусство и польско-российские художественные контакты до начала XX века* (под ред. Jerzy Malinowski, Irina Gavrash). – Варшава: Tako Publishing House, 2013. – С. 157-166.

23. Boltunova E. Pamięć o wydarzeniach z historii stosunków polsko-rosyjskich. Kształtowanie bieżącej polityki ZSRR w latach dwudziestych XX w. na podstawie materiałów Biura Politycznego KC WKP(b) // *W drodze do władzy. Struktury komunistyczne realizujące politykę Rosji Sowieckiej i ZSRS wobec Polski (1917–1945)* / red. Elżbieta Kowalczyk, Konrad Rokicki. – Warszawa, 2019. – Ch. 1. – P. 19–31.

в отечественных изданиях:

24. Болтунова Е. М., Лаптев А. К. Распознавание рукописного текста и интеллектуальный анализ: возможности нейронных технологий (на примере работы с «Дневником» Ф.П. Литке) // *Имагология и компаративистика*. 2025. № 23. С. 358–379.

25. Болтунова Е. М. «Здесь целая губерния в лице ее избранных...» : социальные иерархии в региональных шествиях Печального кортежа Александра I (1826 г.) // Регионы российской империи : идентичность, репрезентация, (на)значение / под ред. Е. М. Болтуновой и В. Сандерленда. – М. : Новое литературное обозрение, 2021. – С. 93–116.

26. Болтунова Е. М. Петровская топонимика, политическая практика и региональная статусность второй половины XVIII в. // Петровские памятники России и Европы. Изучение, сохранение, культурный туризм. – СПб. : Европейский дом, 2016. – С. 635–641.

27. Болтунова Е. М. “От тебя, с тобою и к славе твоей” : Петр II как Петр I // Российская история. – 2016. – № 2. – С. 76–91.

28. Болтунова Е. М. «Читать главнейшие случаи прежних времен» : идея преемственности в воспитании наследников престола в России XVIII в. (по материалам РГАДА) // Гиштории российские, или Опыты и разыскания к юбилею Александра Борисовича Каменского / сост. : Е. В. Акельев, В. Е. Борисов ; отв. ред. : Е. Б. Смилянская. – М. : Древлехранилище, 2014. – С. 67–82.

29. Болтунова Е. М. Державность по-советски : Имперское пространство советских 1970-х гг. // Новое литературное обозрение. – 2013. – Вып. 123. – С. 89–103.

30. Болтунова Е. М. Пространство власти : царский/императорский дискурс в топографии Москвы и Санкт-Петербурга конца XVII – XVIII вв. // Изобретение империи : языки и практики. – М. : Новое издательство, 2011. – С. 49–91.

31. Болтунова Е. М. Колокольня «Иван Великий» в коронационном церемониале Павла I // Московский Кремль XV столетия: Сборник статей. В 2-х т. Т. 2: Архангельский собор и колокольня «Иван Великий» Московского Кремля. 500 лет. – М.: Арт-Волхонка, 2011. – С. 344–349.

32. Болтунова Е. М. Трон Великого Петра: к вопросу о семантике тронных залов в России XVIII в. // Труды русской антропологической школы. Вып. 5. – М., 2008. – С. 496–521.

33. Болтунова Е. М. Родственные связи как один из принципов организации европейского императорского двора XVIII в. // Труды Государственного Эрмитажа. / Отв. ред. : С. В. Кудрявцева. Вып. XXXVI : Российский императорский двор и Европа. Диалоги культур – СПб. : Государственный Эрмитаж, 2007. – С. 343–351.

34. Болтунова Е. М. Петр Великий в топографии града Петрова: идея преемственности власти в символике императорских мест Санкт-Петербурга XVIII в. // Труды Государственного Эрмитажа. Вып. XXXII : Петровское время в лицах – 2006. – СПб. : Государственный Эрмитаж, 2006. – С. 52–60.

35. Болтунова Е. М. Тронное место в политической топографии монарших резиденций Санкт-Петербурга : от Московского царства к Российской империи // Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в XV – первой четверти XVIII вв. – М. : Музей Московского кремля, 2006. – С. 20–23.